

УДК 81

ГРАММАТИЧЕСКАЯ (МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ) СЕМАНТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

© 2015 г.

С.Р. Макерова

Адыгейский государственный университет, Майкоп

susanna04@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.12.2013

Рассматриваются вопросы морфологической семантики в художественном тексте, обусловленные направленностью современных лингвистических исследований, а именно переходом к антропоцентрической парадигме. Морфологические формы рассматриваются как элементы текстопорождения, характеризующиеся когнитивно-прагматической маркированностью.

Ключевые слова: морфологические формы, грамматические категории, «менталитет» грамматики, художественный текст.

В лингвистике последних десятилетий обострился интерес к проблемам языковой личности, речевой деятельности и тексту как результату этой деятельности. Под влиянием этого и художественный текст, который служил объектом пристального внимания на протяжении всего XX века (а по сути дела – гораздо дольше, ибо лингвистика вообще сформировалась из потребности комментировать канонические тексты), начинает рассматриваться под новым углом зрения. Если прежде лингвистический анализ, применяемый к художественному тексту, сводил роль последнего только к иллюстрации общеграмматических положений, то теперь грамматические категории нередко анализируются в аспекте их текстообразующих потенциалов.

Морфологические формы если и привлекают внимание теоретиков нарративной грамматики, то расцениваются как имеющие зависимое и второстепенное значение для текстопорождения. И, несмотря на то что появились работы, в которых показана лингвокультурологическая сущность морфологических категорий, способность участвовать в экспликации важнейших культурных концептов, труды по поэтике грамматических категорий, полная картина «модели мира», стоящая за системой важнейших грамматических категорий с семантической (не структурной) доминантой, «менталитет грамматики» еще не раскрыт ни для одного языка. А если так, то фактически остается непознанным ни механизм выбора грамматической формы, ни герменевтическая организация ее смыслов.

Мы исходим из того, что: 1) не существует раз и навсегда сформулированных стилистических интерпретаций грамматических форм, поскольку в новых контекстуальных условиях они

могут получить совершенно иное звучание; 2) в задачи сегодняшнего дня входит более пристальный, чем прежде, анализ деталей грамматической семантики и проверка выявленных ранее параметров варьирования грамматической семантики на новом эмпирическом материале.

Важнейшая функция морфологических категорий состоит в том, что с их помощью реализуются текстовые категории (информативность, когерентность, ретроспекция, проспекция, подтекст и др.) (см.: Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1988. 192 с.). Так, категория проспекции неотделима от морфологического будущего времени:

Я вернулась домой и тут же села вязать себе шапочку из черной шерсти. Я приду в белом пальто и черной шапочке. Очень элегантно...

Я вяжу вечер и половину ночи. Шапочка готова. На нее никто не обратит внимания. Какая разница, что на голове... (В. Токарева «Немного о кино»).

Ср. также чередование проспекции и ретроспекции в тексте с автобиографической основой:

У нас было приподнятое настроение, а в этом состоянии работает особенно хорошо. Это состояние переходило на страницы сценария. И в конце концов, когда фильм был готов, – передалось и на экран. Фильм получился ясным, смешным и добрым.

Всякое искусство – самовыражение. Мы выразили себя тех, тридцатилетних, наполненных, неисчерпаемых. Сколько ни черпай, а дна не видать. Но вернемся немножко обратно, в последний день работы... (В. Токарева «Один из нас»).

Фактически общепринятым стало утверждение о наличии в художественном тексте по-

верхностной и глубинной структур и о том, что вторая намного шире, объемнее первой. Поверхностная структура – это та лингвистическая форма, в которую облечено содержание текста. Глубинная структура, которая воплощает художественные образы, располагает не только вербализованными компонентами, но также имплицитными, составляющими подтекст. Ср., как подтекстовое аллюзивное значение (аллюзия на роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин») реализуется с опорой на гиперболическое множественное число:

Дело в то, что к нам приехал Илья Левин: американский профессор, филолог, специалист по обэриутам; некогда (четверть века назад) петербуржец, сотрудник музея Достоевского и смотритель лодочной станции, а сейчас – заместитель культурного атташе американского посольства. Это бывает. Так, уездные барышни порой надевают малиновые береты и разговаривают о том, о сем с испанскими послами (Т. Толстая «Грибббы отсюда!») – аллюзия на роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»).

Гиперболическое множественное число в тексте может иметь различные прагматические значения, но наиболее типичное – это пейоративность, которой сопутствует соответствующее настроение персонажа – недовольство, недоумение, раздражение. Неслучайно эта форма чаще всего появляется в прямой речи персонажа и служит важной речевой характеристикой. Современная семантика выделяет в языковом значении несколько разных смыслов, но если для лексических единиц сведения собственно семантические давно неразрывно связываются с прагматическими характеристиками и условиями контекстной реализации того или иного значения, то для сферы грамматических форм акцент на прагматических компонентах семантического содержания далеко не столь типичен. Между тем, как видно из следующих примеров, именно прагматические свойства транспозитивной формы множественного гиперболического определяют выбор именно этого варианта грамматического оформления:

Blessed if I ha'n't stood in half the suits of armour as ever came out of Pratt's shop: and sat, for weeks together, a-eating nothing, out of half the gold and silver dishes as has ever been lent for the purpose out of Storrses, and Mortimerses, or Garrardses, and Davenportseses (С. Dickens. The Ghost of Art).

We had to play quiet, on her pallet, untill father woke up and it was time to get breakfast. Go and ask your maw to let me stay here tonight,» Nancy said. «I won't need no pallet. We can play some more».

Caddy asked mother. Jason went too. «I cant have Negroes sleeping in the bedrooms», mother said (W. Faulkner. That Evening Sun).

His mother-in-law bristled. Her spine stiffened even more. Her eyebrows arched. «Well, I did, Mack. Any more complaints about the food? «Oh, tons of complaints, but what the hell.» (J. Grisham. Fish Files).

Как видим, вовсе не референтная соотнесенность диктует выбор формы числа: этот выбор оказывается детерминированным потребностями текстопорождения – когнитивными и антропоморфными параметрами. Множественное число гиперболическое, как видно из примеров, несет не номинативную, а иллюкутивную нагрузку – выражение экспрессивного содержания. Только в широком контексте выявляется семантическое содержание и других числовых форм, например – единственного обобщенно-собирающего:

Chief Larry returned to his store and fell into a state of severe depression. Once again, his tribe had been demolished by the white man's greed (J. Grisham. Casino).

Грамматические категории нередко становятся основой так называемого грамматического символизма, к проявлениям которого относятся названия литературных произведений, где, в соответствии с авторским замыслом, понятия и термины грамматики обретают содержательную ценность: *Прошедшее время несовершенного вида* (заголовки мемуаров Г. Брускина), рецензия на эти мемуары Л. Рубинштейна имеет название *Совершенно настоящее время*. Ср. также особую текстовую роль (подчеркнутую графическим выделением) временной формы глагола и грамматический комментарий:

*В один прекрасный день Анна поняла: у нее все **БЫЛО**. В прошедшем времени. Плюсquamперфект. И то, что казалось временным, и было настоящим: муж, дом, общий ребенок («Я есть. Ты есть. Он есть»).*

Изучение текстов, нацеленных на образность, «с установкой на выражение», показывает, как сущностно меняется в них роль грамматических (морфологических) форм. Принудительный характер грамматических значений хотя и заставляет автора считаться с ними, однако вовсе не исключает их креативного использования как важного текстообразующего средства. Если для выявления и дифференциации грамматических значений огромную роль играет контекст, их адекватное описание должно быть неотделимо от исследования семантико-стилистических и текстовых категорий.

**GRAMMATICAL (MORPHOLOGICAL) SEMANTICS IN THE IMAGINATIVE REGISTER (BASED ON
THE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ENGLISH FICTION)**

S.R. Makepova

We consider the problem of morphological semantics in the imaginative register determined by the modern tendencies in the field of linguistic research. Cognitive and pragmatic properties of morphological forms are studied at the textual level.

Keywords: morphological forms, grammatical categories, imaginative register, cognitive grammar.